

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94(571)/243

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-95-114

Буддийская конфессия в Российской империи во второй половине XIX в.

Цымжит Пурбуевна Ванчикова¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник

 0000-0002-1381-6186. E-mail: vanchikova_ts[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023

© Ванчикова Ц. П., 2023

Аннотация. *Введение.* Вторая половина XIX в. характеризуется преобразованиями, начавшимися в период правления Александра II, которые затронули все стороны жизни российского общества и которые не могли не сказаться и на вероисповедной ситуации России рассматриваемого периода. В связи с этим в статье была поставлена *цель* — проанализировать религиозную ситуацию у бурят и калмыков в данный период, правовой статус буддистской церкви на основе документов и законодательных актов российского правительства, а также рассмотреть характер регулирования деятельности буддистского духовенства. При написании статьи были привлечены такие архивные *документы и материалы*, как законодательные указы Российского государства, статистические данные, материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., «Положение о ламайском духовенстве» 1853 г. *Методы.* Теоретико-методологическая база исследования основана на принципах научной объективности и историзма, использованы такие общенаучные методы исследования, как структурный, системный, а также методы исторических и религиоведческих исследований. Исследование проведено с учетом общего исторического контекста в истории Российской империи, рассмотрены положение буддийской конфессии среди монголоязычных народов России, бурят и калмыков, исповедующих буддизм, их правовой статус на основе законодательных актов, численность верующих, количество буддистских монахов и храмов, а также проанализирована специфика и особенности калмыцких и бурятских буддистских общин, их взаимоотношения с российскими властями в 1855–1897 гг. *Результаты.* Проведенный анализ правовых источников и материалов позволяет сделать вывод о том, что правительство при разработке конфессиональной политики руководствовалось вопросами не только религиозного, но и внешнеполитического порядка. Последний фактор напрямую соприкасался с экономическими интересами России в Азии, связанными с сохранением статуса-кво в сфере выгодной для России торговли с Китаем. Содержание рассмотренных документов свидетельствует о том, что их основной задачей было изолировать калмыков и бурят от буддистских центров и иерархов Монголии и Тибета, во-вторых, ограничить стремительное распространение буддизма среди них, в-третьих, установить контроль над церковью и регламентировать

хозяйственно-административную деятельность буддийских монастырей. *Выводы.* Несмотря на все ограничения, в рассматриваемый период истории буддизма в Российской империи у бурят и калмыков в социокультурном плане буддийские монастыри способствовали консолидации народа, становились центрами культурного диалога с соседними странами и народами. К концу XIX в. буддизм становится мощной религиозной и политической силой, оказывавшей влияние на жизнь бурят и калмыков и на становление их национального самосознания. Рассматриваемый период у бурят характеризуется укреплением единой буддийской церковной системы, независимой от зарубежных центров, с самостоятельным управлением, с сосредоточением полноты власти в руках единого главы буддистской церкви — пандита хамбо-ламы. У основной части калмыков, проживавших в Калмыцкой степи, «Положением по управлению калмыцким народом 1847 г. было введено единоначалие Ламы калмыцкого народа; в районе расселения локальной группы донских калмыков-казаков главой духовенства являлся старший Бакши-Лама.

Ключевые слова: буддизм в Российской империи, калмыки, буряты, пореформенный период, правовой статус

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственного задания «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии» (номер госрегистрации: 121031000263-3) и в рамках государственного задания Института российской истории РАН по написанию «Истории России с древнейших времен до наших дней».

Для цитирования: Ванчикова Ц. П. Буддийская конфессия в Российской империи во второй половине XIX в. // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 1. С. 95–114. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-95-114

Buddhism in the Mid-to-Late Nineteenth-Century Russian Empire

*Tsymzhit P. Vanchikova*¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Chief Research Associate

 0000-0002-1381-6186. E-mail: vanchikova.ts[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2023

© Vanchikova Ts. P., 2023

Abstract. Introduction. The mid-to-late 19th century was witnessing transformations that had begun during the reign of Alexander II, and the former were to affect virtually all aspects of Russian public life — including those relating to the then religious situation. *Goals.* So, the article attempts analytical insights into religious affairs of Buryats and Kalmyks throughout the mentioned period, examines archival documents and legislative acts of the Russian Government to identify the legal status of the Buddhist Church, reviews some essentials pertaining to control over the Buddhist clergy. *Materials and methods.* The work considers a variety of archival documents, including statistical data and materials of the First General Census of the Russian Empire of 1897 and the Regulations on Lamaist Clergy (1853). Theoretically and methodologically, the study employs the principles of scientific objectivity and historicism, such general research approaches as structural and systems ones, including methods of historical and religious investigation. The study covers actual historical contexts, describes positions

of the Buddhist denomination among Mongolic peoples of Russia, i.e. Buryats and Kalmyks Buddhists, the latter's legal status, numbers of believers, monks and temples. Special attention is paid to specific features of Kalmyk and Buryat Buddhist communities, their relations with Russia's authorities in 1855–1897. *Results.* The completed analysis concludes that in domestic religious affairs the Government was guided not only by confessional issues proper but also by the then foreign policy agenda. The latter factor was directly related to Russia's economic interests in Asia — the maintenance of the status quo in advantageous trade with China. The examined documents attest to these were primarily aimed at isolating Kalmyks and Buryats from Buddhist centers and hierarchs of Mongolia and Tibet; secondly, at limiting the rapid spread of Buddhism; and thirdly, at establishing control over the Church and regulating economic and administrative activities of Buddhist monasteries. *Conclusions.* Despite all the restrictions, the examined period in the history of Buddhism across the Russian Empire was characterized by that Buddhist monasteries would consolidate Kalmyk and Buryat peoples and become centers of cultural interaction with neighboring countries and communities. By the late 19th century Buddhism became a remarkable religious and political force that had its impacts on lives of Buryats and Kalmyks — and largely shaped their ethnic identities. As for Buryats, the period was marked by a strengthening of the unified Buddhist church system that grew independent of foreign centers and developed individual governance tools completely concentrated in the hands of a single executive — Pandita Khambo Lama. The Regulations on Kalmyk People's Governance (1847) established some undivided clerical authority of the Lama of the Kalmyk People over the bulk of the ethnic community, except for the local group of Don Kalmyk Cossacks clerically headed by Senior Bakshi Lama of theirs.

Keywords: Buddhism in the Russian Empire, Kalmyks, Buryats, post-reform period, legal regulations, religious status

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment no. 121031000263-3 'Writing Traditions of Baikal Peoples in the Context of Historical and Cultural Heritage of Russia and Inner Asia' (Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS); and also as part of the book project 'History of Russia: From Ancient Times to Present Days' (Institute of Russian History RAS).

For citation: Vanchikova Ts. P. Buddhism in the Mid-to-Late Nineteenth-Century Russian Empire. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(1): 95–114. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-95-114

Введение

Во второй половине XIX в. буддизм был распространен среди монголоязычных народов России — бурят и калмыков. Самая большая группа из них — буряты — проживала на территориях, расположенных вокруг озера Байкал, называемых сегодня этнической Бурятией, и подразделялась на западных и забайкальских. Калмыки в рассматриваемый период проживали на территории Калмыцкой степи Астраханской губернии, в 1860 г. ее часть была передана в Ставропольскую губернию, где составила Большедербетовский улус; крупная группа калмыков являлась населением калмыцких станиц области Войска Донского; кроме того, отдельные группы также были расселены в Оренбургской и Терской областях.

Вторая половина XIX в. характеризуется преобразованиями, начавшимися в период правления Александра II, которые затронули все стороны жизни российского общества и которые не могли не сказаться и на вероисповедной ситуации России рассматриваемого периода. В связи с этим в статье была поставлена *цель* — проанализировать религиозную ситуацию у бурят и калмыков

в данный период, правовой статус буддистской церкви на основе документов и законодательных актов российского правительства, а также рассмотреть характер регулирования деятельности буддистского духовенства.

Материалы и методы

При написании статьи были привлечены архивные документы и материалы, такие как законодательные указы Российского государства, статистические данные и материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., «Положение о ламайском духовенстве» 1853 г. Теоретико-методологическая база исследования основана на принципах научной объективности и историзма, использованы такие общенаучные методы исследования, как структурный, системный, а также методы исторических и религиоведческих исследований.

Буддизм у калмыков

Численность калмыков по официальным статистическим данным на 1862 г. насчитывала в Астраханской и Ставропольской губерниях 120 760 чел., на 1878 г. — 134 673 чел., в 1893 г. — 147 003 чел. [Очерки истории 1967: 261–262]. По Всероссийской переписи 1897 г. численность калмыков составляла 190 648 чел., из них 138 582 числились в Астраханской, 10 814 — в Ставропольской губерниях, 3 595 — в Терской области, 32 283 — в Области Войска Донского [Очерки истории 1967: 264].

По данным Всероссийской переписи населения, в Астраханской губернии всего насчитывалось 138 572 калмыка, из них 136 629 были буддистами [Оконова 2014: 27]. Всего в этой губернии по переписи числились 136 980 последователей буддизма [Оконова 2014: 24, 28].

Калмыки добровольно вошли в состав Российского государства в начале XVII в., здесь было образовано Калмыцкое ханство, просуществовавшее до 1771 г., когда большая часть народа во главе с наместником Убаши откочевала обратно в Центральную Азию. В период существования Калмыцкого ханства осуществлялись прямые контакты с Тибетом, тибетскими религиозными центрами; буддийское духовенство играло значительную роль в процессе формирования ханства и в его внутренней и внешней политике [Курапов 2018: 70–249; Бакаева 2019: 894].

В 1771 г. после откочевки большей части народа Калмыцкое ханство было ликвидировано, началось формирование новой системы административного управления оставшимися калмыками. Сначала калмыки, как и ранее, находились в ведении Коллегии иностранных дел. В 1800 г. последовало назначение наместника калмыцкого народа и главного Ламы, Павел I подписал «Жалованную грамоту „О свободном отправлении всех духовных обрядов калмыков“» [ПСЗРИ-I 1830, XXVI: 341; Горяев, Команджаев 2012: 117], что являлось подтверждением признания традиционной религии калмыцкого народа. Восстановлен был и совет Зарго — судебный-административный орган, решавший дела в соответствии с калмыцкими законами и обычным правом, который действовал в Калмыцком ханстве и был упразднен в 1786 г. [Горяев, Команджаев 2012: 115]. Но институт наместничества был восстановлен на краткий срок, после смерти наместника Ч. Тундутова в 1803 г. его должность была упразднена.

Последовали дальнейшие реформы [Горяев, Команджаев 2012: 115]. В 1801 г. был введен институт приставов, и главный пристав ведал всеми калмыцкими делами [Горяев, Команджаев 2012: 118].

В 1820-х гг. калмыки были переведены в ведение Министерства внутренних дел. Последовательно были приняты законодательные акты: «Правила для управления калмыцким народом» (10 марта 1825 г.), «Положение об управлении калмыцким народом» (24 ноября 1834 г.), «Положение по управлению калмыцким народом» (23 апреля 1847 г.), затрагивавшие большинство аспектов внутренней жизни калмыцкого общества [История Калмыкии 2009: 489–491; Бурчинова 1977: 27–32; Курапов 2017: 21; Курапов 2010: 262–268]. Эти акты имели статус законов и были включены в свод законов Российской империи [ПСЗРИ-I 1830, XL: 155–162; ПСЗРИ-II 1836: 18–40; ПСЗРИ-II 1848: 349–372].

Согласно «Правилам для управления калмыцким народом» 1825 г. [ПСЗРИ-I 1830, XL: 155–162], была учреждена Комиссия калмыцких дел (ККД) как орган управления в структуре губернского правления в Астрахани. В состав ККД входили, кроме других, два депутата, избравшихся от нойонов и духовенства, соответственно в комиссию был включен Лама. Комиссия калмыцких дел провела работу по сбору сведений о калмыцком духовенстве. Два представителя духовенства (каждые три года) должны были избираться также в Зарго [Бурчинова 1977: 27]. Как отмечает Г. Ш. Дорджиева, «„Правилами“ 1825 г. за калмыками было оставлено право на исповедание буддизма. В 1828 г. правительство вновь подтвердило ранее данное калмыцкому духовенству (в 1800, 1801, 1825 гг.) право на свободное отправление своих обрядов» [Дорджиева 2009: 233]. Но еще не был разработан порядок административного контроля над калмыцкой буддийской церковью [Оконова 2017: 86].

Принципы управления и контроля, правовой статус буддийского духовенства калмыков были определены в следующем законодательном акте — «Положении по управлению калмыцким народом» 1834 г. [ПСЗРИ-II 1836: 18–40], согласно которому ККД была реорганизована в Совет калмыцкого управления. Институт приставов заменялся теперь системой попечительства. Для организации контроля за деятельностью буддийского духовенства законодательным актом предусматривалось создание Ламайского духовного правления (создано в 1836 г.), во главе которого назначался Лама калмыцкого народа. На Ламайское духовное правление возлагались функции административного управления духовенством и контроля за буддийскими монастырями и численностью духовенства. Особое внимание уделялась штатному количеству хурулов и духовных лиц в них [ПСЗРИ-II 1836: 18–40].

С принятием «Положения по управлению калмыцким народом» 1847 г. [ПСЗРИ-II 1848: 349–372] царская администрация установила окончательный контроль над церковной организацией буддистов [Бакаева 1994: 39]. Структура управления, оформленная «Положением» 1847 г., сохранялась почти без изменений вплоть до 1917 г. Она отвечала основной имперской цели, направленной на адаптацию системы управления калмыками к общероссийским стандартам и интегрированию ее в губернское и общероссийское внутреннее административное устройство, одними из многочисленных мер и методов которой были христианизация и седентаризация калмыков [Горяев 2014: 93–100].

Общее управление калмыцкими делами возлагалось на Министерство государственных имуществ, конкретное управление осуществлялось управляющим Астраханской палатой государственных имуществ (АПГИ), который получал звание Главного попечителя калмыцкого народа и подчинялся руководителю Астраханской губернии.

Положение 1847 г. регламентировало деятельность буддийской церкви и было в целом направлено на ограничение ее деятельности и сокращение численности ее хурулов и духовенства. При этом оно предоставляло калмыкам свободу вероисповедания, обязанности духовного управления были разделены между АПГИ и Ламой калмыцкого народа, которого выбирали из кандидатур настоятелей (бакши) хурулов-монастырей, поддержанных владельцами улусов и местной губернской администрацией; утверждение Ламы калмыцкого народа производилось указом Сената с согласия Министерства государственных имуществ. Полномочиями упраздненного Ламайского духовного правления наделялся Лама калмыцкого народа [Бурчинова 1977: 31]. В «Положении» констатировалось: «Делами по духовной части заведывает Лама» [ПСЗРИ-II 1848: 357].

АПГИ отвечала за соблюдение общей численности хурулов и духовенства, т. е. контролировала их соответствие с разрешенным количеством, осуществляла надзор за законностью их деятельности и порядком, за правильностью отвода мест под пастбища для монастырского скота. Лама калмыцкого народа, который координировал свои действия с АПГИ, был ответственен за решение религиозных вероисповедных вопросов, таких как надзор за хурульным хозяйством и поведением буддийского духовенства, присуждение духовных званий, кадровых назначений, перемещений и поездок духовенства [ПСЗРИ-II 1848: 366–367]. При этом Лама был наделен и судебными полномочиями в решении семейных и брачных отношений [История Калмыкии 2009: 502]. Его полномочия распространялись на калмыков, расселенных на территории, получившей название «Калмыцкая степь», которая включала основные территории расселения калмыков и в административном отношении отнесенной к Астраханской губернии, но в 1860 г. один из улусов, территориально прилегавший к Ставропольской губернии, был отнесен к этой административно-территориальной единице. Локальные группы калмыков в области Войска Донского, в Терской области, а также в Оренбургской губернии (переселенных сюда из Ставрополя-на-Волге) калмыков были образованы в результате одновременной откочевки групп калмыков из основных улусов. В степи области Войска Донского калмыки откочевывали с XVII в. в результате разных событий, здесь они стали казаками, но сохранили буддийскую веру. Глава духовенства донских калмыков-казаков, находившихся в ведении Военного Министерства, был подотчетен руководству местной областной администрации и именовался Ламой донских калмыков или Бакши-ламой [Бакаева 1994: 39].

Группа терских калмыков была образована после откочевки 1771 г. в результате бегства калмыков одного улуса, которые обратились за помощью к астраханскому епископу и были переселены на Северный Кавказ, где были причислены к Моздокскому казачьему полку; продолжая тайно исповедовать буддизм, они со временем возвратились в лоно своей веры. Оренбургские калмыки являлись

потомками крещеных калмыков, которых переселили от сородичей-буддистов в Ставрополь-на-Волге; только в начале XX в. они добились права официально считаться буддистами.

«Положение» 1847 г., как и «Положение» 1834 г. и «Правила» 1825 г., законодательно закрепили принципы управления калмыцким народом, который был расселен в Калмыцкой степи — основной территории расселения калмыков в XIX в. Для управления вероисповедными делами законодательно для калмыков было введено единоначалие Ламы калмыцкого народа.

Каждый калмыцкий аймак имел свой хурул, в наиболее крупных аймаках было по несколько хурулов. В ответ на ограничительные меры царского правительства калмыцкое буддийское духовенство стало называть хурулами религиозные постройки внутри того или иного монастырского комплекса, объявлявшиеся самостоятельными хурулами. Так появились большие и малые хурулы, что способствовало увеличению общей численности и хурулов и служителей.

Надо отметить особенности использования некоторых слов и терминов в калмыцком буддизме, таких как, например, *хурул* вместо принятых в монгольском и бурятском буддизме терминов *хурээ*, *хийд* или *дацан* (у бурят) для обозначения буддийского монастыря (хотя в названиях хурулов встречался и термин *дацан* как «рацан»); *бакши*, которым назывались настоятели хурулов, вместо употребляемого термина *ширээтэ* у монголов и бурят; *лама* для обозначения высшего в иерархии духовенства; *хуварак*, *хувараки* — для названия буддийского монашества, которым в монгольском буддизме называются только монахи, имеющие низшие степени посвящений, а монахи именуются термином *лама*; *манджи* (манджик), которым обычно назывались послушники, хотя реже использовались и термины *банди* или *шаби* (ученик).

По «Правилам» от 4 марта 1838 г., правительство сократило штат духовенства до 2 650 чел., а хурулов — до 76 вместо реально имевшихся 5 270 священнослужителей и 105 хурулов. Но до принятия «Положения по управлению калмыцким народом» 1847 г. сокращение не было проведено [Дорджиева 2009: 234].

Продолжая политику по ограничению распространения буддизма, после принятия «Положения» 1847 г. правительство утвердило «Расписание хурулов и духовенства», которым предусматривалось сокращение количества хурулов до 67 (в каждом улусе по 3 больших и 5 малых), а численность монахов — до 1 656 служителей (в больших — по 36 чел., в малых — по 18 чел.) [Дорджиева 2009: 235; История буддизма 2010: 36], которые должны были иметь именные грамоты, подтверждавшие факт их зачисления в штат, все остальные духовные лица, не имевшие таких грамот, выводились из штата.

В 1855 г. числилось 76 хурулов и 1 855 служителей в них, т. е. фактически численность духовных лиц намного превышала разрешенное штатное расписание, в основном за счет института хурульных учеников и внештатных духовных лиц [Дорджиева 1995: 70]. Со временем калмыцкие монастыри-хурулы и часть высшего духовенства стали богачейшими собственниками земель и скота. Так, в 1874 г. хурулы одной Астраханской губернии владели 24 тыс. голов скота, в 1890 г. только в шести хурулах насчитывалось 15 114 голов крупного рогатого и мелкого скота, хотя фактически эти сведения обычно занижались — с целью уменьшения налогов [Дорджиева 1995: 70].

Этноконфессиональные особенности буддийской церкви у калмыков

Буддийская церковь у калмыков имела ряд этноконфессиональных особенностей, отличавших ее от других буддийских церквей монгольского мира, но она также играла огромную роль в их политическом, социальном и экономическом развитии [Китинов 2018: 19]. В XVII–XVIII вв. прямые связи с Тибетом определили значительное влияние тибетских традиций. После ликвидации Калмыцкого ханства в 1771 г. и сложения новой системы управления калмыцким народом в XIX в. вопросы вероисповедания калмыцкого народа регулировались законодательными актами, принятыми российской властью. В буддийской церкви калмыков, по «Положению по управлению калмыцким народом» 1847 г., было введено единоначалие Ламы калмыцкого народа. Его полномочия распространялись на калмыков, расселявшихся в Калмыцкой степи Астраханской губернии и в Большедербетовском улусе Ставропольской губернии. В организационном отношении духовенство хурулов калмыцких станиц области Войска Донского было подчинено Ламе донских калмыков, поскольку статус калмыков-казаков отличался от калмыков, проживавших на основной территории расселения этноса. Таким образом, в калмыцкой буддийской церкви было введено единоначалие Ламы калмыцкого народа. Сам титул свидетельствовал о том, что влияние Ламы распространяется на всех калмыков-буддистов. Вместе с тем независимыми от контроля Ламы калмыцкого народа являлись буддийские священнослужители донских калмыков, так как они расселялись в ином административном регионе, население которого составляло особое сословие.

В калмыцком буддизме традиция высших конфессиональных школ начинается с конца XIX в.¹ Известные школы *цаннита чойра* были открыты в 1907 и 1908 гг. при активном участии Агвана Доржиева, возглавлявшего в первые годы функционирования одну из высших конфессиональных школ в Калмыкии.

В XIX в. активно развиваются, наряду с кочевыми, стационарные монастыри. В Калмыкии складывается собственная архитектурная традиция, особенности которой охарактеризованы Д. Б. Пюрвеевым [Пюрвеев 1975: 56–85], возводятся уникальные храмы, отличающиеся и от монгольской, и от тибетской традиций. Особенно выделяется среди них уникальной архитектурой² Хошеутовский хурул (или Тюменевский), возведенный в 1814–1817 гг. в честь победы в Отечественной войне 1812 г. и благополучное возвращение воинов-калмыков из Заграничного похода российской армии. Храм построен в ставке Хошеутовского улуса, владельцем которого были князя Тюмени, по инициативе князя Серебджаба Тюменя — командира второго калмыцкого полка, принимавшего участие в этой войне и заграничном походе российской армии, прославившегося боевыми заслугами и дошедшего до Парижа. Согласно сведениям, приводимым Э. П. Бакаевой, он был построен братом С. Тюменя — Батур-Убаши, впечатленным от Казанского собора в Санкт-Петербурге, в котором в 1814 г. проходили торжества по случаю победы, «что он по возвращении осуществил

¹ История буддийского образования в Калмыцком ханстве недостаточно исследована: известно о существовании хурула с названием *Доджуд рацан*, что может косвенно свидетельствовать о наличии школ тантры.

² Хошеутовский хурул числится среди памятников истории и культуры России как «Калмыцкий хурул 1818 года» [Бакаева, Орлова и др. 2015: 96].

проект храма — „почти копию Казанского собора“. В том же году началось его строительство» [Бакаева 2015: 84], а уже в 1817 г. состоялось его освящение. В этом храме он соединил буддийские элементы и элементы архитектуры русского классицизма. Главный храм внутри был частично облицован мрамором, полы устланы паркетом. Для главного алтаря устроили особую нишу [Бакаева 2015: 84]. В соответствии с «Положением об управлении калмыцким народом» 1847 г. данный хурул считался «большим», потому в нем было разрешено увеличенное количество штатного духовенства.

У калмыков сохранились традиции родовых хурулов и системы взаимосвязи населения, составлявшего приход каждого храма, и его духовенства, с которым прихожан нередко связывали родственные отношения [Бакаева, Орлова и др. 2015: 95].

Особенностью Хошеутовского храма является то, что по форме он повторяет стилизованный родовой нойонов Тюменей знак древней тамги — *лук со стрелой*, поэтому Б.-У. Тюмень в своей ставке специально для строительства хурула организовал производство кирпичей, на каждом из которых была вытиснена тамга хошутских нойонов [Бакаева, Орлова и др. 2015: 96].

Одним из последних каменных храмов считается храм, построенный в Башанте Большедербетовского улуса в конце XIX в., по форме и конструктивным элементам, напоминающий русские церкви, кроме упрощенного портала, выполненного в традиционном буддистском стиле, вносящего национальный колорит [Пюрвеев 1987: 35]. Последним же храмом является построенный в 1914 г. на средства калмыцких прихожан при содействии Агвана Доржиева трехэтажный деревянный храм Будды медицины (Эмчин), во внешнем облике которого прослеживаются архитектурные элементы бурятских храмов [Пюрвеев 1987: 32].

Первым же стационарным хурулом в Калмыцкой степи был Багацохуровский хурул, деревянное здание которого было построено в 1798 г. в урочище Цаган-Аман, на левом берегу Волги, со временем превратившийся в большой храмовый комплекс [Пюрвеев 1987: 28]. Буддистские храмы Калмыкии в зависимости от используемых строительных материалов подразделялись на войлочные, деревянные, каменные и смешанные, а области их применения зависели от места их возведения и наличия материалов [Пюрвеев 1987: 26–27].

По данным канцелярии астраханского гражданского губернатора, в 1830 г. насчитывался 141 калмыцкий хурул, позднее в связи с сокращением численности духовенства уменьшалась и численность хурулов. Так, во второй половине 30-х гг. XIX в. отмечается наличие 105 хурулов. По штатам 1847 г. калмыцким улусам предписывалось иметь всего 67 хурулов, хотя фактически их было значительно больше¹ [Карагодин 1987: 11]. С 1859 по 1884 гг., несмотря на политику контроля и ограничения строительства храмов в Малодербетовском улусе, были построены 27 стационарных и молитвенных храмов, 133 дома для духовенства. Следует отметить разделение хурулов на большие и малые, когда почти каждый храм или религиозное сооружение внутри монастыря объявлялись отдельным хурулом, т. е. монастырем, что давало возможность

¹ Стоит отметить, что данные, приводимые в разных источниках, архивных документах, как о количестве хурулов и религиозных постройках, так и о количестве лам значительно разнятся между собой.

сохранить численность духовенства, несмотря на официальное принятие решения о сокращении штатов.

До принятия законов 1834 и 1847 гг. каждый хурул являлся самостоятельной структурой, всей административной, хозяйственной и богословской системой которых ведал багша [Орлова 2013: 14], формируются особенности национальной школы буддийской живописи и скульптуры, традиция изготовления буддийских изображений божеств в технике вышивания и аппликации [Батырева 2005: 33–35], чему способствовало ослабление контактов с буддистскими центрами Тибета и Монголии.

Активизация буддийской церкви, начавшаяся в самом конце XIX – начале XX в., была определена подъемом национального движения, восстановлением связей калмыцких буддистов с монгольскими и тибетскими, а также бурятскими буддистскими кругами, в которых огромную роль сыграл буддийский религиозный деятель, наставник, учитель и официальный представитель Далай-ламы XIII в России, бурят по национальности Агван Доржиев (1853–1938) [История Бурятии 2011: 338]. История буддистской церкви Калмыкии неразрывно связана с общей историей народа так же, как и история любого другого народа, бурятского в том числе.

К истории буддистской церкви у бурят во второй половине XIX в.

История бурят как неотъемлемая часть истории России с самого начала связана с кампанией по освоению Байкальской Сибири, входившей в геополитические интересы российского государства, которая проводилась с особой осторожностью и гибкостью. Политика Российской империи была направлена на приобщение бурятского населения к оседлости и занятию земледелием, на русификацию, которым способствовали распространение православия и попытки крещения западных бурят, пик которых пришелся на XIX в. В 1842 г. насчитывалось бурят мужского пола 93 673 ревизских душ. В Предбайкалье обитало 45 505 бурят, а в Забайкалье — 48 168 [ГА РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 405. Л. 90–90об., 91]. «Всего же за 250 лет, прошедших со времени присоединения народов Сибири к России и до начала XX в., численность бурят возросла примерно в 10,6 раза» [Дамешек 2018, I: 118].

По данным переписи 1897 г., практически все бурятское население Забайкалья было буддистами, а в «Иркутской губернии насчитывалось 60 тыс. бурят-христиан, примерно 30 тыс. бурят исповедовали шаманизм и столько же — буддизм» [Дамешек 2018, II: 337].

В 1908 г. в Агинских степях, по данным Областного статистического комитета, буддистов было 38 784 чел., православных бурят — 296 чел., православных русских — 86 чел. В то же время в двух самых крупных дацанах Агинской степи насчитывалось 1 550 чел. [Труды Агинской экспедиции 1911: 11, 54].

Устав «Об управлении инородцев» 1822 г.

Юридическое положение бурят регулировалось рядом законодательных актов, основным из которых был Устав «Об управлении инородцев» от 22 июля 1822 г., действовавший вплоть до конца XIX в. Анализ содержания устава свидетельствует о том, что в нем была сделана попытка урегулировать нацио-

нальные и конфессиональные отношения в рамках существовавшей системы, с учетом государственной политики, направленной на ассимиляцию коренного населения, упорядочение системы обложения местного населения повинностями и сборами, установление порядка взаимоотношения русской администрации с местным населением посредством учреждения трехступенчатой административной структуры (родовое управление, инородная управа, степная дума) законодательно определялись статус и права населения по сословиям. Тем самым система органов местного инородческого самоуправления становилась частью государственной системы управления России, в которой были созданы условия для учета особенностей управления коренным населением, направленные на усиление административно-полицейской опеки и налоговой эксплуатации, на установление верноподданнических и лояльных к правительству отношений, на инкорпорирование бурят и буддийской церкви в структуру российской государственности. За вероисповедные дела бурят отвечал Департамент духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ), включенный в структуру Министерства внутренних дел, а на местах — губернская администрация Восточной Сибири. В обязанности ДДДИИ, согласно его уставу от 1857 г., входило назначение руководителей неправославных конфессий, контроль над доходами неправославных общин, буддистских в том числе, разрешение на строительство новых и ремонт религиозных храмов и объектов, при этом приоритетной была цель охраны устоев православия как государственной религии империи [Арапов 2007].

Отношения между властями и буддийским духовенством строились с учетом национальных и политических интересов российского государства. Со второй половины XIX в. основным вектором имперской политики стала идея о создании «единой и неделимой» России, в связи с чем был предпринят ряд мер по укреплению государственного единства, направленных на закрепление стратегических позиций России на востоке страны, на усиление интеграции «окраинных земель в общероссийское экономическое и политико-административное пространство», на ограничение стремительного роста численности и влияния буддийского духовенства. Как справедливо отмечает П. В. Берснев, религиозная политика государства по отношению к бурятам диктовалась политическими причинами [Берснев 2004], которые были обусловлены несколькими факторами. Так, отсутствие четко обозначенной границы с цинской империей, пограничной стражи, традиционное кочевое скотоводство бурят, требовавшее постоянного перемещения на больших земельных пространствах, наконец, сложившиеся к этому времени буддистские традиции, понуждали правительство при выработке конфессиональной политики в этом специфическом регионе империи мыслить не только категориями религиозного, но внешнеполитического порядка [Берснев 2004]. Последний фактор напрямую был связан с экономическими интересами России в этой части Азии, связанными с сохранением существующего положения дел в сфере торговли России с Китаем. В условиях нарастающей активности Великобритании в регионе «ламынский вопрос» становился еще одной опорной базой для продвижения интересов России в Приамурье.

О «Положении о ламайском духовенстве Восточной Сибири» 1853 г.

Изданное в 1853 г. и одобренное Министерством внутренних дел и Сибирским комитетом сената «Положение о ламайском духовенстве Восточной

Сибири» [[Положение 1853](#)] в своих основных чертах ограничивало связь забайкальских лам с Тибетом и Монголией. Одной из причин этого были интересы политики России, так как Тибет и Монголия рассматривались правительством как возможные потенциальные противники усиления позиций России на Дальнем Востоке.

«Положение...» 1853 г., состоявшее из 61 параграфа, регламентировало порядок взаимоотношений русской администрации с буддистской церковью, устанавливало и определяло ее правовой статус. Оно не было включено в Собрание законов Российской империи и являлось по сути локальным нормативно-правовым актом [[Лукьянов 2008: 154](#)]. Целью данного «Положения» было, во-первых, изолировать бурят-буддистов и буддистскую церковь от буддистских центров и иерархов Монголии и Тибета, во-вторых, остановить стремительное распространение буддизма среди бурят, а также установить контроль над буддистской церковью и регламентировать хозяйственно-административную деятельность буддистских монастырей. Статьи этого «Положения» имели ограничительный характер: они определяли численность дацанов, их штат, порядок комплектования и принципы управления буддистской церковью. «Положение» предусматривало централизацию управления буддистской церковью путем сосредоточения власти в руках одного хамбо-ламы, утверждаемого имперской властью после длительных процедур согласований на разных этапах, причем от претендента на пост хамбо-ламы требовалось «непременное знание русского языка»; ранее он назначался с благословения монгольского богдо-гэгэна. Должности настоятелей дацанов утверждались генерал-губернатором, тем самым хамбо-лама и дацаны ставились в зависимость от Петербурга и губернского управления. Количество дацанов ограничивалось 34 дацанами с 34 настоятелями-ширетуями и официально разрешенным комплектным количеством в 285 лам, которые освобождались от всех повинностей, высшие ламы — от телесных наказаний, а все остальные ламы облагались налогом наравне с рядовыми крестьянами. При этом «комплектные» ламы лишались права свободного перемещения и прикреплялись к конкретным дацанам, в случае необходимости покинуть дацан они должны были испрашивать дозволения у вышестоящих, в случае самовольного ухода виновные обращались в светское состояние [[Положение 1853: § 42](#)]. Все ламы, помимо включенных в штат, обязаны были покинуть свои монастыри.

Прием в послушники был резко ограничен многими требованиями. Строго запрещались прием в ламы сверх утвержденного штатного количества лам и самовольное возведение в одно из разрешенных духовных званий, за что следовало следующее наказание: «а) для возведенного — обращение в предшествовавшее его звание и б) для возводившего — лишение духовного его сана и обращение в светское состояние» [[Положение 1853: § 30](#)]. Подобные наказания следовали за любое нарушение статей данного Положения. Контакты с заграничным духовенством по распоряжению генерал-губернатора карались ссылкой в отдаленные места Восточной Сибири. Тем не менее, несмотря на все ограничения, на практике они не имели значительного эффекта, ламы и монастыри продолжали успешно функционировать, приспосабливаясь к новым требованиям.

Согласно «Положению...» 1853 г., наблюдение над дацанами со стороны светских властей было трехступенчатым, прежде всего они непосредственно

подчинялись главам степных дум, следующей ступенью было руководство генерал-губернатора Восточной Сибири, а высшее руководство осуществлялось Департаментом духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел [Положение 1853: § 61]. Настоятелям-ширетуям дацанов вменялось в обязанность ежегодно отчитываться о своей хозяйственной деятельности: о стоимости движимого и недвижимого имущества дацанов, о доходах и расходах. Эти сведения и послужные списки личного состава с подробнейшими данными о каждом представлялись хамбо-ламой Забайкальскому военному губернатору Восточной Сибири. Было запрещено строить новые дацаны свыше разрешенного количества и организовывать сбор средств на строительство без санкции МВД. За самовольно возведенные постройки виновные лица лишались духовного звания и переводились в светское состояние, а построенные здания должны были быть немедленно уничтожены [Положение 1853: § 35]. Согласно Положению как ламы, так и сами дацаны должны были содержаться за счет добровольных пожертвований и платы за исполнение треб, а денежные доходы дацана могли быть только от подношений мирян, от продажи религиозной литературы, хозяйственных поделок и предметов культа по таксе, ежегодно составляемой хамбо-ламой и утверждаемой военным губернатором Забайкальской области. При этом указывалось, как должны были распределяться денежные доходы между ламами в зависимости от занимаемых ими должностей.

Данное Положение послужило юридической основой для формирования единой церковной организации бурятского буддизма, независимой от зарубежных центров, сосредоточив полноту власти в руках единого главы буддистской церкви — пандита хамбо-ламы. 20 июля 1890 г., предупреждая усиление и концентрацию власти в лице одного хамбо-ламы, была принята утвержденная Министерством внутренних дел «Временная инструкция об управлении делами ламайского духовенства в Иркутской губернии». Ее появление вызвало недовольство лам и местного населения, так как население, ламы и дацаны тункинских и аларских бурят изымались из административного ведомства хамбо-ламы и Забайкальской администрации и подчинялись иркутскому генерал-губернатору и настоятелям Аларского и Кыренского дацанов. Тем не менее, несмотря на все ограничения, к концу XIX в. буддизм превращается в мощный религиозный и политический фактор, оказывавший влияние на все стороны жизни общества и на становление национального самосознания бурятского населения.

Буддийское образование

В середине XIX в. в бурятских дацанах появились собственные богословские школы (в Цугольском дацане в 1846 г.). Основными из них были буддийские философские школы, где изучалась буддийская логика и эпистемология. Первая школа (философский факультет) была открыта в Цугольском дацане в 1846 г. Цугольские ламы-философы были основателями школ цаннита (чойра) в хоринских и селенгинских дацанах: Гусиноозерском, Агинском (с 1861 г.), Анинском (с 1858 г.) дацанах, а обучение цанниту стало обязательным. Без этого образовательного ценза продвижение по должностной иерархии стало невозможным. Монастырские школы *джуд*, в которых изучалась теория и практика тантры, в бурятских дацанах появились позднее философских. В джуд-дацаны

принимали только после прохождения обучения в дацанах чойры [Ванчикова, Гомбоева 2010: 44–49].

В 1869 г. под руководством монгольского ламы Чой-марамбы в Цугольском дацане началось изучение индо-тибетской медицины. После Цугольской школы изучение медицины стало развиваться в других дацанах: Агинском, Ацагатском, Эгитуйском, Янгажинском, Тугнугалтайском и др. Обучение на этих факультетах требовало особой подготовленности и знаний, поэтому даже наиболее крупные медицинские школы насчитывали не более 50–60 учеников. В Агинском дацане насчитывалось 60 лекарей. Говоря о роли буддизма в жизни бурят, следует отметить, что до появления централизованной медицинской системы здравоохранения, вплоть до 1930-х гг., буддистские монастыри с медицинскими факультетами были практически единственными местами, в которых местное население имело возможность получать медицинскую помощь [Земля Ваджрапани 2008: 172–209].

В дацанских школах в 1924 г. насчитывалось около 4 тыс. хуvaraков. Этих школ и учащихся в них было намного больше, чем светских. Как в Тибете и Монголии, монастыри-дацаны Забайкалья были центрами образования не только для лам, но и для мирян, поскольку грамоте бурятские дети обучались в основном при монастырях или у степных (не штатных) лам.

Книгопечатание и художественные мастерские в дацанах

Появление сети буддистских монастырей с учебными факультетами, развитие храмовой литургии, проникновение буддийских обычаев в повседневный быт бурятского населения обусловили необходимость в снабжении духовенства и верующих религиозной литературой, скульптурными и живописными изображениями божеств и разнообразными культовыми предметами для храмов и домашних алтарей. Поэтому в монастырях стали развиваться книгопечатание, обработка металла и дерева, живопись и иконопись, шитье и вышивка. Первоначально книгопечатание появилось в начале XIX в. в Гусиноозерском и Цонгольском дацанах, до этого времени книги привозились из Монголии, Тибета или из Китая или же печатались с матриц-баров, завезенных из Монголии. Наивысшего качества ксилографическая печать получила развитие в Агинском и Цугольском дацанах. Книги, отпечатанные в этих двух монастырях, отличались особой четкостью и красотой печати.

В Бурятии также стала развиваться традиция переписывания монгольских и тибетских богослужебных книг, потому мы видим множество рукописных книг в фондах востоковедных библиотек и хранилищ. Постепенно, наряду с Пекином и Долоннором, Бурятия превратилась в один из центров книгопечатания. На начальном этапе бурятские ламы переиздавали книги, напечатанные в тибетских и монгольских монастырских печатнях, в Пекине, но вскоре стали писать и издавать и собственные произведения, составлять комментарии на труды известных тибетских и монгольских ученых, на канонические сочинения.

В последней трети XIX в. 29 из 34 дацанов имели свои печатни, в которых издавалось около 600 названий книг и брошюр на тибетском и монгольском языках. В Цугольском дацане издавалось 169 наименований книг, в Гусиноозерском — 97, в Джидинском — 52, в Эгитуйском — 44, в Чесанском — 30 и т. д. [Ламаизм в Бурятии 1960: 75]. Монастырскими печатнями к концу 20-х гг.

XX в. было издано около 2 000 названий книг на тибетском и монгольском языках [Ламаизм в Бурятии 1960: 75].

В социокультурном плане дацаны способствовали консолидации бурятского народа, становились центрами культурного диалога с соседними странами и народами. Ко второй половине XIX в. сложилась «устойчивая интеллектуальная сеть со всеми необходимыми средствами поддержки и социальной инфраструктуры: были талантливые, интеллектуальные и харизматичные Учители, множество их учеников, состязавшихся в диспутах, развивавшихся затем в издаваемых трудах, была развита инфраструктура, равно как социально поощряемая мирская среда» [Ванчикова, Гомбоева 2010: 47–48].

Заключение

Проведенный анализ правовых источников и материалов позволяет сделать вывод о том, что правительство при выработке конфессиональной политики руководствовалось вопросами не только религиозного, но и внешнеполитического порядка. Последний фактор напрямую соприкасался с экономическими интересами России в Азии, связанными с сохранением статуса-кво в сфере выгодной для России торговли с Китаем. Содержание рассмотренных документов свидетельствует о том, что их основной задачей было изолировать калмыков и бурят от буддистских центров и иерархов Монголии и Тибета, во-вторых, ограничить стремительное распространение буддизма среди них, в-третьих, установить контроль над церковью и регламентировать хозяйственно-административную деятельность буддийских монастырей. Несмотря на все ограничения, в рассматриваемый период истории буддизма в Российской империи у бурят и калмыков в социокультурном плане буддийские монастыри способствовали консолидации народа, становились центрами культурного диалога с соседними странами и народами. К концу XIX в. буддизм становится мощной религиозной и политической силой, оказывавшей влияние на жизнь бурят и калмыков и на становление их национального самосознания. В рассматриваемый период (со второй половины XIX по начало XX в.) среди бурят отмечается появление самостоятельной и независимой буддийской административной системы и структуры буддийской церкви и духовенства, во главе которых назначался пандита хамбо-лама, и обретение буддийской церковью и монашеством особого социально-правового статуса. В Калмыцкой степи также сложилась система управления буддийской церковью, во главе которой стоял Лама калмыцкого народа, влияние которого распространялось на подавляющую часть калмыков. Среди калмыков-казаков области Войска Донского ведущее место занимал Бакши-лама донских калмыков.

Указанный период, несмотря на введение ограничительных мер в организационном плане (ограничение числа храмов и штатов духовенства в них), в целом был благотворным для развития бурятского и калмыцкого буддизма. По масштабу и силе духовного влияния буддийской религии, философии и образования на культуру бурят его даже можно назвать эпохой бурятского Просвещения. Буддийские дацаны развивали собственные местные традиции литературы, искусства и храмового зодчества, активно строили монументальные буддийские храмы, причем не только в исторически буддийских регионах

России — Бурятии и Калмыкии, но — в начале XX в. — и там, где буддийские идеи появились позднее — в Петербурге.

Источники

- ГА РБ — Государственный архив Республики Бурятия.
- ПСЗРИ-I 1830, XL — Полное собрание законов Российской империи (Собрание 1-е: с 1649 по 12 декабря 1825 г.). Т. XL: 1825. СПб.: Тип. 2-го Отд-я Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. 631, 136, [1] с.
- ПСЗРИ-I 1830, XXVI — Полное собрание законов Российской империи (Собрание 1-е: с 1649 по 12 декабря 1825 г.). Т. XXVI: 1800–1801. СПб.: Тип. 2-го Отд-я Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. 875 с.
- ПСЗРИ-II 1836 — Полное собрание законов Российской империи (Собрание 2-е: с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.). Т. X: 1835. СПб.: Тип. 2-го Отд-я Собств. Е. И. В. канцелярии, 1836. 918 с.
- ПСЗРИ-II 1848 — Полное собрание законов Российской империи (Собрание 2-е: с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.). Т. XXII: 1847. СПб.: Тип. 2-го Отд-я Собств. Е. И. В. канцелярии, 1848. 950 с.
- Положение 1853 — Положение о ламайском духовенстве Восточной Сибири. 1853г. // Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. Ф. 29АБ. Д. № 757/1096. 14 л.
- Труды Агинской экспедиции 1911 — Труды Агинской экспедиции: материалы по исследованию Агинской степи Забайкальской области, произведенному в 1908 г. Читинским отделением Императорского Русского географического общества. Вып. 7. Чита: Паровая тип. Заб. т-ва печ. дела, 1911. [2], 366 с.: (1. Д. М. Головачев. Население; 2. В. В. Солдатов. Хозяйственный быт).

Sources

- State Archive of the Republic of Buryatia. (In Russ.)
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire [Collection One: From 1649 to 12 December 1825]. Vol. 40: 1825. St. Petersburg: H.I.M. Own Chancery (Second Section), 1830. 631, 136, [1] p. (In Russ.)
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire [Collection One: From 1649 to 12 December 1825]. Vol. 26: 1800–1801. St. Petersburg: H.I.M. Own Chancery (Second Section), 1830. 875 p. (In Russ.)
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire [Collection Two: From 12 December 1825 to 28 February 1881]. Vol. 10: 1835 [In 2 pts.]. St. Petersburg: H.I.M. Own Chancery (Second Section), 1836. 918 p. (In Russ.)
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire [Collection Two: From 12 December 1825 to 28 February 1881]. Vol. 22: 1847. Pt. 1. St. Petersburg: H.I.M. Own Chancery (Second Section), 1848. 950 p. (In Russ.)
- Golovachev D. M., Soldatov V. V. Transactions of the Aga Expedition: Materials Obtained by Chita Office of Imperial Russian Geographical Society during the 1908 Investigation of Aga Steppe (Transbaikalia Oblast). Vol. 7. D. Golovachev (ed.). Chita: Transbaikalia Printing Partnership, 1911. [2], 366 p. (In Russ.)
- Regulations on the Lamaist Clergy of Eastern Siberia. 1853. At: Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS), Center of Oriental Manuscripts and Xylographs. Coll. 29 AB. File 757/1096. 14 p. (In Russ.)
- Proceedings of the Aga expedition: materials on the study of the Aga steppe of the Trans-Baikal region, conducted in 1908 by the Chita branch of the Imperial Russian Geographical Society. Iss. 7 (1. Population / D. M. Golovachev; 2. Economic life / V. V. Soldatov). Chita: Steam printing house of the Trans-Baikal Printing Association, 1911. [2], 366 p.: table/

Литература

- Адрианов 1901 — *Адрианов С. А.* Министерство внутренних дел. 1802–1901: в 3 тт. Т. 1: Исторический очерк. СПб.: Тип. МВД, 1901. 335 с.
- Арапов 2007 — *Арапов Д. Ю.* Департамент духовных дел иностранных исповеданий [электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия: электронная версия, 2016 (БРЭ-онлайн, 2004–2017). URL: https://old.bigenc.ru/religious_studies/text/1948209 (дата обращения: 25.07.2022).
- Бакаева 1994 — *Бакаева Э. П.* Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм.кн. изд-во, 1994. 128 с.
- Бакаева 2015 — *Бакаева Э. П.* Об этнических группах калмыков-хошутов и буддийских хурулах в конце XIX в. // *Бакаева Э. П., Орлова К. В., Хишигт Н., Энхчимэг Ц.* Буддийская традиция в Калмыкии и Западной Монголии: сакральные объекты. М.: Наука, Вост. лит., 2015. С. 82–84.
- Бакаева 2019 — *Бакаева Э. П.* Этническая идентичность калмыков и конфессиональные связи с Тибетом (к прочтению малоизвестных источников) // *Oriental Studies*. 2019. Т. 12. № 5. С. 891–925. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-891-925
- Бакаева, Орлова и др. 2015 — *Бакаева Э. П., Орлова К. В., Хишигт Н., Энхчимэг Ц.* Буддийская традиция в Калмыкии и Западной Монголии: сакральные объекты. М.: Наука, Вост. лит., 2015. 236 с.
- Батырева 2005 — *Батырева С. Г.* Старокалмыцкое искусство XVIII – начала XX вв. Опыт историко-культурной реконструкции. М.: Наука, 2005. 141 с.
- Берснев 2004 — *Берснев П. В.* Буддизм и вероисповедная политика правительства Российской империи (по материалам Российского государственного исторического архива) [электронный ресурс] // Клуб путешественников «Курандерос». URL: http://curanderos.ru/buddhism_politica_russia.htm (дата обращения: 25.07.2022).
- Бурчинова 1977 — *Бурчинова Л. С.* Ламаистская церковь Калмыкии в системе российской государственности: разработка правового статуса калмыцкого духовенства в первой половине XIX в. // *Ламаизм в Калмыкии*. Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 26–73.
- Ванчикова, Гомбоева 2010 — *Ванчикова Ц. П., Гомбоева М. И.* Философские школы буддийских монастырей Восточного Забайкалья как историко-культурная предпосылка эпохи бурятского Просвещения // *Гуманитарный вектор*. 2010. № 4 (24). С. 44–49.
- Горяев 2014 — *Горяев М. С.* Политика Российского правительства в Калмыкии во второй половине XIX – начале XX в. // *Известия Саратовского университета*. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2014. Т. 14. Вып. 1. С. 93–100. DOI: 10.18500/1819-4907-2014-14-1-93-100
- Горяев, Команджаев 2012 — *Горяев М. С., Команджаев А. Н.* Организация управления калмыцким народом после упразднения калмыцкого ханства (1771–1825 гг.) // *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. Сер. «История. Политология. Экономика. Информатика». 2012. № 7 (126). Вып. 22. С. 113–123.
- Дамешек 2018, I — *Дамешек Л. М.* Избранное в трех томах. Т. I: Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.). Иркутск: Оттиск, 456 с.
- Дамешек 2018, II — *Дамешек Л. М.* Избранное в трех томах. Т. II: Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Иркутск: Оттиск, 415 с.
- Дорджиева 1995 — *Дорджиева Г. Ш.* Буддизм и христианство в Калмыкии. Опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVII – начало XX в.). Элиста: Джангар, 1995. 128 с.
- Дорджиева 2009 — *Дорджиева Г. Ш.* Буддизм у калмыков // *История Калмыкии с древнейших времен до наших дней*: в 3 тт. Элиста: Герел, 2009. Т. 3. С. 218–258.
- Земля Ваджрапани 2008 — *Земля Ваджрапани: Буддизм в Забайкалье*. Кол. монография / сост. Ц. П. Ванчикова. М.: ИПЦ «Дизайн, информация, картография», 2008. 600 с.
- История буддизма 2010 — *История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985–1999 гг.* / под общ. ред. Н. Г. Очировой (Н. В. Абаев, Э. П. Бакаева, У. П. Би-

- челдей, Ц. П. Ванчикова, С. Ю. Лепехов, Т. М. Садалова). М.: Фонд современной истории, 2010. 392 с.: ил.
- История Бурятии 2011 — История Бурятии: в 3 тт. / отв. ред. Б. В. Банзаров. Т. II: XVII – начало XX в. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 624 с.
- История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. Элиста: ИД «Герел», 2009. Т. I. 848 с.
- Карагодин 1987 — *Карагодин А. И.* Калмыцкое духовенство в XVII – первой половине XIX вв. // Вопросы истории ламаизма в Калмыкии / редкол.: Н. Л. Жуковская (отв. ред.), А. Г. Митиров, Б. Б. Дякиева. Элиста: КНИИИФЭ, 1987. С. 5–23.
- Китинов 2018 — *Китинов Б. У.* К вопросу о роли религии в этнической истории ойратов // *Oriental Studies*. 2018. Т. 11. № 1. С. 13–21. DOI: 10.22162/2075-7794-2018-35-1-13-21
- Курапов 2010 — *Курапов А. А.* Законотворческая деятельность калмыцкого буддийского духовенства (XVII–XIX вв.) // Известия Уральского государственного университета (Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры). 2010. № 6 (85). Ч. 2. С. 262–268.
- Курапов 2017 — *Курапов А. А.* Главы буддийской церкви калмыков во взаимодействии с российским государством в XVII–XIX вв. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 19. № 3. 2017. С. 18–22.
- Курапов 2018 — *Курапов А. А.* Российское государство и буддийская церковь на юге России: этапы эволюции социально-политического взаимодействия в XVII – начале XX вв. Астрахань: Сорокин Р. В., 2018. 464 с.
- Ламаизм в Бурятии 1960 — Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века. Структура и социальная роль культовой системы / Галданова Г. Р., Герасимова К. М., Дашиев Д. Б. и др. Новосибирск: Наука, 1960. 235 с.
- Лукьянов 2008 — *Лукьянов С. А.* Государственно-правовое регулирование религиозной жизни забайкальских буддистов в Российской империи // Вестник Московского университета МВД России. № 8. 2008. С. 153–156.
- Оконова 2014 — *Оконова Л. В.* Этноконфессиональная структура населения Калмыцкой степи Астраханской губернии по материалам переписи 1897 г. (в свете количественного подхода) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. Т. 7. № 2. С. 22–29.
- Оконова 2017 — *Оконова Л. В.* Деятельность Ламайского духовного правления и Ламы по материалам отчетов Управления калмыцким народом // *Magna adsurgit: historia studiorum*, 2017. № 2. С. 83–97. DOI 10.22162/2541-9749-2017-4-2-83-97
- Орлова 2013 — *Орлова К. В.* Дунду хурул и Бааза багши // Бааза-багши и его духовное наследие. Элиста: НПП «Джангар», 2013. С. 13–18.
- Очерки истории 1967 — *Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период* / Н. В. Устюгов (гл. ред.) и др. М.: Наука, 1967. 497 с.
- Пюрвеев 1975 — *Пюрвеев Д. Б.* Архитектура Калмыкии. М.: Стройиздат, 1975. 187 с.
- Пюрвеев 1987 — *Пюрвеев Д. Б.* Культовое зодчество калмыков в XVII–XIX вв. // Вопросы истории ламаизма в Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1987. С. 24–39.

References

- Adrianov S. A. Ministry of Internal Affairs: 1802–1901. In 3 vols. Vol. 1: A Historical Essay. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs, 1901. 335 p. (In Russ.)
- Arapov D. Yu. Spiritual Affairs Department for Foreign Faiths. On: Great Russian Encyclopedia. 2004–2017. Online edition of 2016. Available at: https://old.bigenc.ru/religious_studies/text/1948209 (accessed: 25 July 2022). (In Russ.)
- Bakaeva E. P. Buddhism in Kalmykia: Essays in History and Ethnography. Elista: Kalmykia Book Publ., 1994. 128 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. Ethnic identity of the Kalmyks and confessional ties with Tibet: A case study of some little-known sources. *Oriental Studies*. 2019. Vol. 12. No. 5. Pp. 891–925. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-891-925

- Bakaeva E. P. Revisiting late nineteenth-century groups of Kalmyk Khoshuts and [their] Buddhist temples. In: Bakaeva E. P., Orlova K. V., Khishigt N., Enkhchimeg Ts. *The Buddhist Tradition in Kalmykia and Western Mongolia: Sacred Objects*. Moscow: Nauka, Vostochnaya Literatura, 2015. Pp. 82–84. (In Russ.)
- Bakaeva E. P., Orlova K. V., Khishigt N., Enkhchimeg Ts. *The Buddhist Tradition in Kalmykia and Western Mongolia: Sacred Objects*. Moscow: Nauka, Vostochnaya Literatura, 2015. 236 p. (In Russ.)
- Banzarov B. V. (ed.) *History of Buryatia*. In 3 vols. Vol. 2: 17th – Early 20th Centuries. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2011. 624 p. (In Russ.)
- Batyreva S. G. *Old Kalmyk Art, 18th – Early 20th Centuries: Reconstructing History and Culture*. Moscow: Nauka, 2005. 141 p. (In Russ.)
- Bersnev P. V. *Buddhism and official religious policies of Imperial Russia: Analyzing materials from the Russian State Historical Archive*. On: Curanderos Travelers Club (website). Available at: http://curanderos.ru/buddhism_politica_russia.htm (accessed: 25 July 2022). (In Russ.)
- Burchinova L.S. Lamaist church of Kalmykia in Russia's administrative system: The early-to-mid nineteenth-century shaping of the Kalmyk clergy's legal status. In: *Lamaism in Kalmykia*. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1977. Pp. 26–73. (In Russ.)
- Dameshek L. M. *Selected Writings: In Three Volumes*. Vol. 1: *Non-Russian Communities of Siberia in Imperial Governance Strategies, 18th – Early 20th Centuries*. Irkutsk: Ottisk, 456 p. (In Russ.)
- Dameshek L. M. *Selected Writings: In Three Volumes*. Vol. 2: *Siberia in the System of Imperial Regionalism, 1822–1917*. Irkutsk: Ottisk, 415 p. (In Russ.)
- Dordzhieva G. Sh. Buddhism among Kalmyks. In: Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) *History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days*. In 3 vols. Elista: Gerel, 2009. Vol. 3. Pp. 218–258. (In Russ.)
- Dordzhieva G. Sh. *Buddhism and Christianity in Kalmykia: Analyzing Religious Policies Pursued by the Government of Imperial Russia, Mid-17th – Early 20th Centuries*. Elista: Dzhangar, 1995. 128 p. (In Russ.)
- Galdanova G. R., Gerasimova K. M., Dashiev D. B. et al. *Lamaism in Buryatia, 18th – Early 20th Centuries: Structure and Social Role of the Cult System*. Novosibirsk: Nauka, 1960. 235 p. (In Russ.)
- Goryaev M. S. Russian government policy in Kalmykia in the second half XIX – early XX century. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*. 2014. Vol. 14. No. 1. Pp. 93–100. (In Russ.) DOI: 10.18500/1819-4907-2014-14-1-93-100
- Goryaev M. S., Komandzhaev A. N. The management organization the Kalmyk people after abolition of Kalmyk Khanate (1771 – 1825). *Nauchnye vedomosti BelGU. Ser. Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*. 2012. № 7 (126). Vyp. 22. S. 113–123.
- Karagodin A. I. Kalmyk clergy: 17th to mid-19th centuries. In: Zhukovskaya N. L., Mitirov A. G., Dyakieva B. B. (eds.) *Lamaism in Kalmykia: Issues of History*. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1987. Pp. 5–23. (In Russ.)
- Kitinov B. U. Ethnic history of the Oirats: The role of religion revisited. *Oriental Studies*. 2018. Vol. 11. No. 1. Pp. 13–21. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2018-35-1-13-21
- Kurapov A. A. Legislative activity of the Kalmyk Buddhist clergy (17th–19th centuries). *IZVESTIA. Ural Federal University Journal. Series 1: Issues in Education, Sciences and Culture*. 2010. No. 6 (85). Pt. 2. Pp. 262–268. (In Russ.)
- Kurapov A. A. *Russian Government and Buddhist Church in South Russia: Stages in the Evolution of Sociopolitical Interaction, 17th – Early 20th Centuries*. Astrakhan: R. Sorokin, 2018. 464 p. (In Russ.)
- Kurapov A. A. The leadership of the Kalmyk's Buddhist church in interaction with the Russian State in the XVII–XIX centuries. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2017. Vol. 19. No. 3. Pp. 18–22. (In Russ.)

- Lukyanov S. A. Buddhists of Transbaikalia in Imperial Russia: Legal agenda of religious life. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2008. No. 8. Pp. 153–156. (In Russ.)
- Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days. In 3 vols. Elista: Gerel, 2009. Vol. 1. 848 p. (In Russ.)
- Ochirova N. G. (ed.) History of Buddhism in the Soviet Union and the Russian Federation: 1985–1999. Moscow: Fond Sovremennoy Istorii, 2010. 392 p. (In Russ.)
- Okonova L. V. Activities of Lamaist Spiritual Affairs Committee and Lama: Analyzing reports of Kalmyk People's Governance Department. *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2017. No. 2. Pp. 83–97. (In Russ.) DOI 10.22162/2541-9749-2017-4-2-83-97
- Okonova L. V. Ethnoconfessional structure of the population of the Kalmyk Steppe of Astrakhan Province according to the 1897 Census (The quantitative approach). *Oriental Studies*. 2014. Vol. 7. No. 2. Pp. 22–29. (In Russ.)
- Orlova K. V. Dundu Khurul and Ven. Baaza Bagshi. In: Baaza Bagshi and His Spiritual Legacy. Elista: Dzhangar, 2013. Pp. 13–18. (In Russ.)
- Pyrurveev D. B. Architecture of Kalmykia. Moscow: Stroyizdat, 1975. 187 p. (In Russ.)
- Pyrurveev D. B. Kalmyk church architecture: 17th–19th centuries. In: Zhukovskaya N. L., Mitirov A. G., Dyakieva B. B. (eds.) Lamaism in Kalmykia: Issues of History. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1987. Pp. 24–39. (In Russ.)
- Ustyugov N. V. et al. (eds.) Essays in the History of the Kalmyk ASSR: Pre-October Period. Moscow: Nauka, 1967. 497 p. (In Russ.)
- Vanchikova Ts. P. (comp.) The Land of Vajrapani: Buddhism in Transbaikalia. Joint monograph. Moscow: Dizayn, Informatsiya, Kartografiya, 2008. 600 p. (In Russ.)
- Vanchikova Ts. P., Gomboeva M. I. Buddhist philosophic schools of monasteries of Eastern Transbaikalia as historic and cultural precondition for the age of Buryat Enlightenment. *Humanitarian Vector*. 2010. No. 4 (24). Pp. 44–49. (In Russ.)